

Неделя. - 1994. - №2 (№3) - с. 13

Покладистый ребенок с божественным альтом

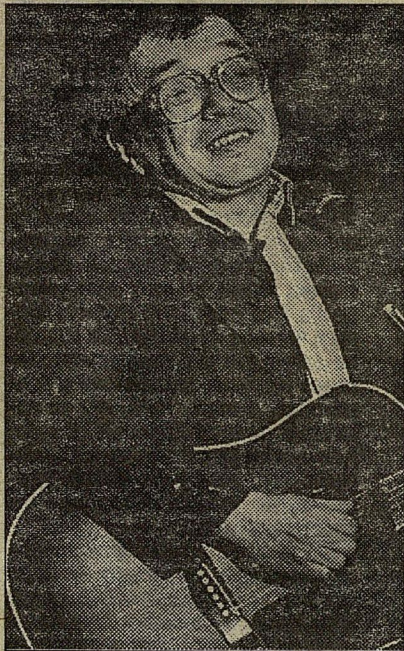

Фото В. АХТОМОВА

Его песни так же привычны и естественны, как улица, по которой ты каждый день десять лет ходила в школу, как мамыны словечки, бабушкины рассказы о том, как было раньше. О его песнях думаешь - народная. Ан нет - Юлия Кима.

В его жизни были МГПИ им. Ленина, три года работы на Камчатке в малоизвестной школе, учительство, снова Москва, широкая популярность в узких кругах, молчание кругов официальных.

Несмотря на запреты, он стал знаком поклонникам фольклора, театрам, кинозрителям, читателям газет, в том числе и "Недели", на страницах которой появлялся неоднократно (вспомните хотя бы рубрику "Песня под гитару"). Сегодня перед вами - мало известный Юлий КИМ: он вспоминает детство...

- Мы жили в поселке Ухтомский под Люберцами, шла война. Недалеко от станции был такой большой двухэтажный дом, в котором помещались работники учета, бухгалтерии. И в этом доме, в двух комнатах коммунальной квартиры, размещалось наше довольно обширное семейство: две моих тетки, две бабушки, четверо детей, а потом с войны вернулся еще мой дядя. Эти две комнаты мне теперь иногда снятся. И жила с нами еще старая нянька, Агафья Андреевна, которая как-то выделяла меня среди детей. А поскользну матушка моя тогда находилась в сталинском лагере, то я няньку свою называл матерью. Потом настоящая мама вернулась, и когда я во дворе кричал "мама", то из окна высовывались сразу две головы.

- И вы маму узнали по-настоящему, только когда она вернулась?

- Да. Маму взяли, когда мне был год с небольшим, отца - еще раньше... Мама сначала была в лагере, потом в ссылке в Казахстане, мы переписывались. Считалось, что она в командировке. Мама работала в тамошней школе, я помню, как мы собирали для нее небольшую библиотечку.

- И когда мама вернулась...

- ...Мы переехали в город Малоярославец Калужской области, потому что ей не положено было жить ни в больших городах, ни вблизи них. Потом, в сорок девятом, когда опять шли аресты, маму уволили с работы.

потому, что протекала в лугах, а во все не от слова "лужа". Как-то к нам во двор зашли погорельцы, женщина с дочкой. А у нас на керосинке стояла пресная лапша, и ничего, кроме этой лапши, мы не смогли им предложить. Отхлебнув несколько ложек, женщина вдруг сказала: "А нет ли у вас соли?" Помню, как был уязвлен: надо же, лапшу нашу трескают и еще соли просят.

- Вы помните какие-нибудь серьезные детские обиды?

- Помню, как однажды обиделись на меня: я не удержался и съел всю

семейную порцию сахара. До сих пор испытываю жгучий стыд от этого поступка. Матушка тогда целый день со мной не разговаривала, и этого было больше чем достаточно.

- Вы были послушным?

- Да, я был покладистым ребенком, мне всегда больше хотелось радоваться, чем конфликтовать. И дома, и в школе. Всегда самостоятельно занимался с удовольствием. Например, я считался лучшим исполнителем песни "Орленок, орленок" на весь Малоярославец. У меня в детстве был божественной красоты альт, тому много свидетелей осталось. А недавно разбирал архив и обнаружил самодельные сборники стихов: альбомчик за сорок шестой год, за сорок седьмой.

Еще помню, что с моим приятелем, Игорем Шелковниковым, который приезжал из Москвы к матери на каникулы, мы пытались курить и ругаться матом, да как-то все неудачно. Зато вполне удачно выпустили несколько номеров самодельного журнала "Луч" - Игорь оформлял, а я писал стихи. Впоследствии Игорь стал довольно известным в Москве художником, а сейчас он менее известный, но в Париже.

- Вы, как и все, были комсомольцем...

- Одно время - даже секретарем комсомольской организации в школе, и, по-моему, при мне ее работа полностью развалилась. Меня выбрали потому, что я отлично успевал, но организатор я был никакой... Помню, когда умер Сталин, я, секретарь комсомола, шел в школу на митинг и всю дорогу пытался восчувствовать трагедию. Вокруг меня все рыдали и плакали, а я не рыдал и не плакал и очень этим казнился... Директор наш, фронтовик, плакал совершенно взахлеб, уж не говоря про учительниц, а я никак не мог. Нет, это, конечно, было никакое не прозрение. Просто представление об этом человеке, об этом вожде было уже нечеловеческое.

- А кем вы хотели быть в детстве?

- Мне кажется, я всегда представлял себя поэтом. Никакой другой яркой мечты - летчиком стать или военным - у меня не было.

- Есть ли в вашем детстве такое, о чем вы часто вспоминаете, но никогда никому не расскажете?

- Конечно. Такие эпизоды есть у каждого. Я уже заметил, что воспоминания постыдные живы в человеке, может быть, сильнее, чем воспоминания счастливые. Наверно, потому, что совесть времени не знает.

Затисала В. МАЛЫГИНА.